УДК / UDC 821.512.37. 82-3

Поэтика рассказа Олега Манджиева «Скука» в бинарной оппозиции «свой — чужой»

Джиргал Александровна Джаджиева[1]

The Poetics of Oleg Mandzhiev's Short Story "Boredom" in the Binary Opposition of "Friend and Foe"

Dzhirgal A. Dzhadzhieva[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

0000-0001-9536-1383. E-mail: dzhirgal90(at)yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу поэтики раннего рассказа калмыцкого русскоязычного писателя Олега Лиджиевича Манджиева «Скука» в контексте репрезентации бинарной оппозиции «свой — чужой», лежащей в основе сюжета произведения. На примере образа главной героини, ее взаимоотношений с бабушкой и гостем исследуется проблема утраты исторической и нравственной памяти, этнической идентичности, разрыва связей между поколениями. На родственной параллели «бабушка – внучка» в парадигме «свой — чужой» выявлено, как то, что должно быть «своим», становится для внучки Булгун «чужим», непонятным, неприемлемым (образ жизни в степи, чабанский труд бабушки и дедушки, верования предков, калмыцкий язык), а «чужое» ею воспринимается как «свое» (пасьянс, кофе, рыцарство, противостояние европейских религий, гость и т. д.). И, наоборот, на параллели «девушка — мужчина» Булгун принимает «чужого» гостя как «своего» (почти ровесники, горожане, некоторая сходность интересов, кокетливая игра девушки с заезжим человеком), а на деле он так и остался для нее «чужим», когда она отправила его в буран за книгой и не беспокоилась о судьбе человека в степи. Молодой человек по имени Бадик воспринимает, в свою очередь, «чужое» пространство, его людей

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2026
© Джаджиева Д.А. (Dzhadzhieva D. A.), 2026

как уже «свое», а не только «другое», иное. В сюжете рассказа такая бинарная оппозиция актуализирована, исключая, по сути, парадигму «свой — другой — чужой», заостряя конфликт, завершившийся смертью гостя. Метод описательной поэтики, способствующий раскрытию названия произведения в прямом и переносном значениях, содержательной его стороны, системы персонажей, конфликта, позволяет сделать выводы об авторской интенции, направленной на актуальные темы и проблемы современной действительности.
Ключевые слова: русскоязычная калмыцкая проза, поэтика, оппозиция «свой — чужой», молодежная тематика
Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «„Свой“ – „другой“ – „чужой“ в калмыцкой русскоязычной литературе рубежа XX–XXI веков: имагологический аспект» (№ 25-28-01283, https://rscf.ru/en/project/25-28-01283/).
Для цитирования: Джаджиева Д. А. Поэтика рассказа Олега Манджиева «Скука» в бинарной оппозиции «свой — чужой» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2026. № 1. С. 181–192. DOI: 10.22162/2587-6503-2026-1-37-181-192

Abstract. The article analyzes the poetics of Oleg Mandzhiev's early story "Boredom" by the Kalmyk Russian-language writer in the context of the representation of the binary opposition "friend or foe" underlying the plot of the work. The article explores the issue of the loss of the historical and moral memory, ethnic identity, and the breakdown of connections between generations through the character of the main protagonist and her relationships with her grandmother and the guest. On a related parallel, the "grandmother — granddaughter" is revealed in the "friend — foe" paradigm, as what should be "one's own" becomes "alien", incomprehensible, unacceptable for the Bulgun granddaughter (the way of life in the steppe, the shepherding work of grandparents, the beliefs of ancestors, the Kalmyk language), and "alien" she perceives him as "her own" (solitaire, coffee, chivalry, confrontation of European religions, a guest, etc.). And, conversely, on the parallel "girl — man" Bulgun accepts a "stranger" guest as "his own" (almost the same age, townspeople, some similarity of interests, flirtatious game of a girl with a visiting man), in fact, he remained a "stranger" to her when she sent him into the blizzard to get a book, and she didn't care about his fate in the steppe. The young man named Badik, on the other hand, perceives the "strange" space and its people as already "his own", rather than just "different". In the story, this binary opposition is highlighted, essentially eliminating the "friend — foe" paradigm and exacerbating the conflict that leads to the death of the guest. The method of descriptive poetics, which helps to reveal the title of the work in both literal and figurative senses, its content, the system of characters, and the conflict, allows us to draw conclusions about the author's intention to address relevant topics and issues of contemporary reality.
Keywords: Russian-language Kalmyk prose, poetics, the "friend — foe" opposition, youth themes
Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 25-28-01283 "One's Own" — "the Other" — "the Alien" in Kalmyk Russian-language literature at the turn of the 20th–21st Centuries: Imagological Aspect. Available at: https://rscf.ru/en/project/25-28-01283/.
For citation: Dzhadzhieva D. A. The Poetics of Oleg Mandzhiev's Short Story "Boredom" in the Binary Opposition of "Friend and Foe". *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2026. No. 1. Pp. 181–192. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2026-1-37-181-192

Введение

Литературное наследие Олега Лиджиевича Манджиева (1949–2021), известного калмыцкого русскоязычного писателя, охватывает следующий диапазон жанров: рассказ, повесть, роман, киносценарий, стихи.

Однако центральное место в его прозе заняли повести, а итогом творчества стал роман «Ад номер семь» [Манджиев 2003].

Творческий путь автора как прозаика начался в студенчестве с повести «Мальчишка с бантиками» (1970), созданной в соавторстве с бурятским писателем Намжилом Ширабовичем Нимбуевым (1948–1971) [Манджиев, Нимбуев 1975].

В дальнейшем писатель работал над рассказами, первые публикации которых стали появляться в начале 1970-х гг. в журнале «Теегин герл» («Свет в степи»): «Мы любили ее» [Манджиев 1970], «Змея» [Манджиев 1971а], «Скука» [Манджиев 1971б], «Каникулы» [Манджиев 1973].

В 1972 г. была издана дебютная книга автора «Скачки», небольшой сборник из четырех рассказов: «Скачки», «Подарок», «Скука», «Змея» [Манджиев 1972].

Позже увидели свет рассказы «День рождения» [Манджиев 1979], «Волк» [Манджиев 1983], «Диспут» [Манджиев 1985а] и «Для Северного полюса» [Манджиев 1985б]. Так, было написано девять рассказов.

Жанр малой прозы писателя остается малоизученным. Объектом и предметом исследования манджиевские рассказы становились в работах Т. С. Есеновой [Есенова 2003], Р. М. Ханиновой и М. С. Бочаевой [Ханинова, Бочаева 2017; Ханинова, Бочаева 2018], Р. М. Ханиновой и Д. А. Джаджиевой [Ханинова, Джаджиева 2025], в которых дан анализ рассказов «Скачки», «Змея», «Для Северного полюса».

Поэтика ранних рассказов прозаика в аспекте «свой — другой» была рассмотрена в статье Р. М. Ханиновой и Д. А. Джаджиевой [Ханинова, Джаджиева 2026].

Материалы и методы

В данной статье впервые предпринята попытка проанализировать поэтику раннего рассказа «Скука» в контексте репрезентации категорий «свой» — «чужой», поскольку сюжет произведения в значительной мере строится на этой бинарной оппозиции. Материалом для исследования стал рассказ Олега Манджиева «Скука» (1971) в первоначальной журнальной публикации, представляющий интерес с точки зрения вхождения автора в прозу, в малый ее жанр. Метод описательной поэтики позволяет рассмотреть текст в его основных структурных составляющих: заглавие, сюжет, система персонажей, конфликт, стиль.

Поэтика рассказа Олега Манжиева «Скука» в бинарной оппозиции «свой — чужой»

Значительная часть произведений современного калмыцкого русскоязычного автора затрагивает молодежную тематику. Она задает вектор конфликтного противостояния персонажей в парадигме нравственных

ценностей, выявляющих общность или отторжение людей. Молодой прозаик рисует портрет своего поколения в ракурсе отношения к родной земле, истории, культуре, верованиям [Ханинова, Джаджиева 2026].

Как подчеркнула Д. Ю. Зумаева, «содержательную часть повестей и рассказов Олега Манджиева определяет чувство обеспокоенности и тревоги за будущее подрастающего поколения, за выработку в нем чувства принадлежности, сопричастности к судьбе своего этноса, переживание за сохранение культуры народа, духовно-нравственных основ, этического и эстетического опыта предков. Все эти проблемы, поставленные в его произведениях, значимы для художника. Они словно пульсирующая боль в его душе, поэтому их решение является значимым приоритетом в его творчестве» [Зумаева 2011: 145–146].

Главной героиней рассказа «Скука» является студентка Булгун, приехавшая на каникулы к бабушке и дедушке из города на чабанскую стоянку. Декабрьской ночью, в «холода, каких не помнили и старики» [Манджиев 1971б: 99], девушка отправила гостя к его машине за книгой «Двенадцать стульев», чтобы занять себя чтением. Несмотря на предостережение бабушки, что скоро начнется буран, внучка не возвратила Бадика (так звали гостя). Молодой мужчина, сбившись с пути, замерз в степи. А девушка, так и не дождавшись книги, заснула, а проснулась от того, что щенок, приехавший с гостем, заворочался в ее теплой постели, и она «сбросила щенка с койки, зевнула и повернулась на другой бок» [Манджиев 1971б: 105].

Поэтика заглавия рассказа

Концепт «свой — чужой», относящийся к бинарным архетипам, является основой, на которой строится сюжет рассказа и к чему отсылает его заглавие «Скука». В художественном тексте он представлен двойственной парадигмой, где герои произведения делятся на «своих» и «чужих».

«„Свои” по умолчанию принимают устои прописанного писателем мира, они отделяют себя от „Чужих”, чаще считая их формальными врагами. <…> В литературе „Чужие” герои или персонажи зачастую использовались писателями для представления концептов чего-то чуждого, неизведанного, угрожающего, непонятного и т. д., т. е. в полной мере кого-то или чего-то враждебного» [Серикова 2025: 52].

Рассказ О. Манджиева интересен тем, что является ярким примером выражения данного концепта с размытыми, на наш взгляд, в тексте границами между категориями «свой» и «чужой».

Дихотомия «свой — чужой» в произведении репрезентируется на уровне Булгун и ее бабушки и выражается, прежде всего, в их межпоколенческом разрыве, определяющем разные ценностные ориентиры. Приехавшей на каникулярное время из города девушке чужд степной уклад жизни ее предков: в нем отсутствуют интересные для нее занятия, поэтому она скучает. Вынесенное в заглавие нарратива состояние главной героини лишь актуализирует ее отчужденность от своих корней. Она формально «своя» и в то же время среди «своих» (бабушка, дедушка) «чужая».

Пространство дома «своих» (степь как пространство ее предков) вызывает у нее большую скуку, потому что, по ее словам, в степи нет «ни людей, ни театров, пустота одна» [Манджиев 1971б: 99]. Для Булгун «родное» место давно «дыра», в котором и кофе нет [Манджиев 1971б: 100]. Показательно, что внучке недостаточно присутствия в степи родных людей, ее понятие пустоты исключает ландшафт степи, ее обитателей, в том числе мир животных и растений. Понятие «дыра» в ее лексиконе означает заброшенное место, малопригодное для комфортного существования с культурными заведениями (театры), гастрономией (кофе).

Узнав, что их гость из Новосибирска, девушка «мечтательно сказала»:

«— Новосибирск — большой город, приятный. Была я там два дня, проездом. Красный проспект, театр оперы и балета, театр оперетты. Эх, а тут» [Манджиев 1971б: 102]. За неимением какого-либо занятия «она взяла осколок тусклого зеркала и стала смотреться в него, поднимая то левую, то правую бровь, то высовывая язык и говоря, как дети: а-аа» [Манджиев 1971б: 100]. Правда, не очень понятно, почему у девушки нет с собой карманного зеркальца, если она, судя по всему, ухаживает за собой, знакома с домашней обстановкой на чабанской стоянке, где, выходит, нет никакого зеркала.

Состояние девичьей скуки выражается не только на содержательном уровне, но и на лексическом и фонетическом. Так, «— Эх, скука, *ск-у-ка*, — *протянула лениво* девушка <…> *Бр-рр!*», «она *лениво поднялась*», «*вздохнула*», «*вздохнула тяжело и зевнула*, прикрывая ладошкой рот», «*Булгун еще раз вздохнула*», «*посмотрела тоскливо в окно*» [Манджиев 1971б: 99, 100, 102] (курсив здесь и далее наш — *Д. Д.*). Скука усугубляется тоской — по оставленной городской жизни, по комфорту, по институту.

В начале рассказа, когда жена, переживая за мужа, «старого Лиджи», погнавшего в такую холодную погоду в степь овец, молилась о его благополучии, внучка заявила: «— Завтра же уеду в город. Веселенькие каникулы. С институтскими баранами хоть говорить можно» [Манджиев 1971б: 99]. Противопоставление скуки и веселья распознается как отсутствие общения с близкими людьми и пренебрежительное отношение к сокурсникам, которых девушка сравнивает с баранами, но с которыми о чем-то можно разговаривать.

Более того, внучка не разделяет переживаний бабушки за дедушку, которого суровой зимой в степи с отарой овец может ожидать и беда, даже смерть. В это время она сетует на скуку, пытаясь найти для себя занятие: «— Бабушка, ты умеешь пасьянсы раскладывать?» [Манджиев 1971б: 99]. Хотя заведомо понятно, что такое занятие незнакомо старой степнячке, а внучка сама умеет или раскладывать пасьянсы, или наблюдать за этим, пытаясь разгадать, что ожидает в будущем.

Психологическое состояние старой женщины и погруженность в молитву с перебиранием четок объясняют ее молчание на вопрос внучки. Можно предположить, что она не одобряет ее поведение, но и не высказывает ей никаких замечаний, видимо, понимая их бесполезность в этом

случае. Это тоже свидетельствует об отсутствии душевных отношений между родней.

Немаловажным является хронотоп молитвенного действия. Бабушка молится и за мужа, и оттого, что «время подошло молиться»; для этого она покидает внучку, удалившись в другую комнату с «бронзовым буддой в углу», в которой происходит привычный для нее ритуал: «Бабка сидела на овечьей шкуре, не отвечала, а только кланялась, шепча про себя молитву, и когда она кланялась, токуги только звенели, как звон капель весной» [Манджиев 1971б: 99].

Интерьер комнаты детализирован экфрасисом — религиозным атрибутом: статуя / статуэтка Будды. Непонятно, почему в углу. В углу комнаты? Или в углу комнаты на каком-либо возвышении — тумбочке, столике? Кроме того, токуги — металлические, обычно серебряные, подвески на шиверлыках, матерчатых чехлах для двух кос, вряд ли могут звенеть, так как не соприкасаются друг с другом. У бабушки есть четки, другая сакральная вещь, правда, автор не уточняет их материал, как и количество (должно быть 108 бусин).

Внучка настолько эмоционально, духовно оторвана от бабушки, что продолжает навязчиво обращаться к ней, чтобы развеять скуку, в попытках завести разговор во время ее молитвы:

«— Бабушка, что ты все молишься? Бабушк... Поговорила бы, что ли?!

Старуха прошила взглядом девушку и снова принялась читать молитвы. <…>

— Бабушка, а бога-то ведь нет, это во всех книгах пишут. Слышишь, бабушк?..

Старуха молчала. <…>

— Не оставляйте детей одних, дети балуются, пожар от них, — сказала девушка и прислушалась. Старуха бормотала слова в угол.

— А бога все равно нет, это попы все выдумали, чтобы народ дурманить. Религия — опиум для народа! — сказала она громко и посмотрела на старуху. — Тоска!» [Манджиев 1971б: 100].

Характерна реакция молящегося человека: «прошила взглядом девушку» (осуждает), «молчала» (не принимает ее отношения к верованиям предков), снова читала молитвы (сосредоточена на главном). Любопытно, как девушка, наблюдая за молящейся бабушкой, отрицает существование всякой религии (она не уточняет конфессию), ссылается на чужие суждения (в книгах пишут), использует лексему «попы» (православие), цитирует крылатый афоризм (религия — опиум для народа), обычно трансформированный тезис К. Маркса («Религия есть опиум народа»), широко распространенный в советскую атеистическую эпоху. Кроме того, внучка пытается привлечь внимание бабушки включением в свой разговор иной информации, не имеющей отношения к начатой теме (дети и пожар).

Отношение к религии является еще одним маркером чужеродности Булгун. Как известно, наряду со школой и вузом в течение десятилетий советской власти внедрялось обязательное атеистическое воспитание. Проводи-

мая государством комплексная антирелигиозная политика разрывала связь с традицией верования разных народов, которую предки хранили веками.

Молчание хозяйки нарушается внезапным стуком в дверь, который мог возвестить о возвращении Лиджи: «— Открой дверь, кто еще там? Наверное, Лиджи вернулся, — скороговоркой выпалила старуха и засуетилась» [Манджиев 1971б: 100]. Но это был парень лет двадцати пяти в тулупе, с вымазанными в мазуте руками, который попросился на ночлег из-за поломки машины в степи.

С появлением гостя начинается развитие сюжета, меняются динамика повествования, эмоциональное состояние главной героини Булгун, до того вздыхавшей и жаловавшейся на тоску: появляется новый человек, к тому же приезжий, с кем можно поговорить, потому он вызывает у нее интерес. «— Здрасти, — игриво передразнила его девушка и вложила свою маленькую руку в его пятерню, — Булгун» [Манджиев 1971б: 100]. К тому же молодой мужчина явился не один, а с щенком: « — Ой, какая прелесть! — закричала Булгун и протянула к нему руки. Щенок ткнулся ей в теплые, пахнущие молоком ладони и лизнул мизинец» [Манджиев 1971б: 101]. Она кормит его, с любопытством спрашивает Бадика о том, как у него появился щенок, треплет щенка за ухо.

Скука развеивается после сообщения мужчины об имеющейся у него в машине книге «Двенадцать стульев». Упоминание известного сатирического авантюрного романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова в произведении играет ключевую роль: книга становится спусковым механизмом, ведущим к трагедии.

Девушка посылает гостя за книгой, несмотря на суровую погоду «злого» «месяца барса» (декабря). Ею движет не столько желание перечитать книгу, чтобы развлечься, сколько игра, которую она затевает с Бадиком: эта игра забавляет ее. Задумывает она ее сразу после того, как узнает о книге: « — Смешная книга, читала когда-то, — Булгун рассмеялась и повела бровью, словно перед зеркалом, потом загадочно улыбнулась и пошла в другой конец комнаты» [Манджиев 1971б: 101].

Девушка не просто просит принести ей книгу, она выстраивает разговор согласно своей игре:

«— Знаете что, — спросила Булгун, — *вы умеете быть рыцарем?*

— А что?

— *С такими могучими руками надо быть рыцарем!* — насмешливо сказала она.

— А что, вам побить кого? Так вы это только скажите, можно.

Бадик слегка покраснел и засунул руки в карманы пиджака.

— Морды будем после бить, я вина хочу!

— Вина? — растерялся парень.

— Это песня такая, — сказала она, — я хочу почитать. Тут такая скука, что мухи дохнут. Принесите мне «Двенадцать стульев».

— Так ведь я завтра...

— *А вы сейчас принесите*, — перебила его Булгун, — *или, может, слабо?*

— Почему слабо? Можно, — сказал Бадик. — А я сначала думал побить кого надо. Честно говоря, страшно не люблю драться. Это у меня еще с детства. При мне одного человека убили. После этого не могу...

— *Вы знаете, а я пошутила, если не хотите, можете не ходить,* — сказала Булгун.

— Да чего там, схожу, тут не очень-то долго. Одна нога здесь, другая там. Я ведь прыткий, как сайгак» [Манджиев 1971б: 102].

Так, в своей игре девушка флиртует и манипулирует, настаивая на желании почитать книгу.

Она не задумывается о возможных опасностях, которые могут ожидать в такую непогоду Бадика, оставаясь равнодушной и безучастной и тогда, когда бабушка предупреждает ее о надвигающемся буране: «— Зачем отпустила его? Буран скоро начнется, беда будет. Туча от злых тенгриев идет, — испуганно бормотала бабка, показывая рукой на восток, — верни его, догони... И Лиджи не возвращается...

Глаза старухи быстро-быстро моргали. Из пиалы, которую она держала в руке, выплескивался чай» [Манджиев 1971б: 103].

Старая женщина использует в разговоре лексему «тенгрии» (небожители), но называет их злыми, что не соответствует канону: злыми предстают их антиподы — асуры.

Авторская неточность искажает характеристику персонажа.

Непростое психологическое состояние бабушки, предчувствующей беду, контрастирует с беспечностью и легкомыслием внучки, что вновь подчеркивает их разобщенность, ее чуждость:

«— Снова ты, бабушка, ругаешься. Ничего не случится. Вернется быстро, принесет книгу, хоть почитать можно будет. А то тут, как в тюрьме сидишь. Выдумываешь всегда какие-то варфоломеевские ужасы. Сейчас не то время, люди на луну летают, а ты все живешь в мезозое.

— Беда может случиться, — сказала растерянно бабка, моргая подслеповатыми глазами, — умные книги читаешь, в городе живешь, зачем гостей в буран гонишь?

— Глупости ты говоришь, бабушка, — возмутилась Булгун, лежа на кровати и рассматривая руки, — вечно испортишь настроение...» [Манджиев 1971б: 103].

Образ девушки раскрывается писателем в основном через ее речь: не только через суждения героини, но и через упоминание реалий, относящихся к пласту городской культуры, которые неизвестны «своим». Так, внучка спрашивает у бабушки, умеет ли она раскладывать пасьянсы, сетует на отсутствие кофе (ср.: в тексте упоминается пиала в бабушкиных руках, та пьет чай (не уточнен: калмыцкий)). Студентке известны такие характерные приметы времени, как книга «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова и песенное творчество В. Высоцкого. В разговоре с Бадиком она цитирует часть строчки: «Морды будем после бить, а я вина хочу» из «Песни про Джеймса Бонда», написанной кумиром бардовской песни в 1966 г. Упоминает не к месту «варфоломеевские ужасы», непонятные

старой женщине, незнакомой с европейской историей, «загоняет» бабушку в «мезозой», акцентируя ее «отсталость» от современности, от полетов на Луну.

Возраст и нездоровье бабушки актуализируется: она носит шиверлыки с токугами, соблюдая обычаи предков, знает молитвы, молится, как положено, с использованием четок, имеет статуэтку Будды, у старухи подслеповатые глаза. Ее менталитет определяет сдержанность в отношении к людям, к внучке, она не проявляет властность или суровость в воспитании девушки, предпочитая многозначительное молчание. Она тревожится за мужа, страшится непогоды, зная, чем это грозит, проявляет гостеприимство к заезжему человеку, предоставляет ему кров, ночлег.

В контексте история бабушки и дедушки связана с Великой Отечественной войной, с ссылкой калмыков (1943–1957 гг.), их поколение познало настоящие ужасы бедствий, не знало, что такое скука, безделье, пустое времяпрепровождение. Кроме того, бабушка, вероятно, снисходительна к молодости, полагая, что возможны издержки роста и родительского воспитания.

Категория «другой» в рассказе

Рассматривая категории «Свой — Чужой — Другой» в культурологическом плане, М. Л. Дубоссарская определяет «другого» как явно отличающегося от своих, принципиально иного, чем Свои; но при этом Другой не несет, в отличие от Чужого, уже самим фактом своего существования угрозу существованию Своих [Дубоссарская 2008: 52].

Категория «другого» в рассказе О. Манджиева проявляется через персонаж Бадика, который привносит в замкнутый круг главных героев, Булгун и ее бабушки, динамику и обострение конфликта. Высокий парень лет двадцати пяти, попросившийся переночевать из-за неполадок с машиной, является приезжим — представителем другой национальной культуры. Неизвестно, как звучит его полное имя, он представился сокращенным именем Бадик. В республике живет второй год, приехал из Новосибирска, большую часть времени по работе проводит в пути. Не конкретизирована его профессия, должность: просто шофер или кто-то иной.

Он — «другой» и для Булгун, и для бабушки. При этом для каждой из них он ближе, чем родственные женщины друг другу.

Как и Булгун, Бадик — представитель города, в котором девушка была проездом, и, вспоминая о Новосибирске, она с восторгом упоминает Красный проспект, театр оперы и балета, театр оперетты. Примечательно, что тот не поддерживает ее интерес к этим культурным местам своего города. О его принадлежности к рабочей среде, в первую очередь, говорит такая деталь, как руки, автор подчеркнул их размер, силу и то, что они грязные от работы: Бадик «протянул здоровенную ручищу девушке», Булгун «вложила свою маленькую руку в его пятерню», он «протянул ей (старухе) свою вымазанную в мазуте

руку» [Манджиев 1971б: 100]. Он прост в общении, не привык к этикету. Крепкого сложения, сильный и храбрый, способен справиться с волком. « — Да я с любым волком один на один могу выйти!» [Манджиев 1971б: 101], — заверяет он Булгун, стараясь впечатлить девушку. В задуманной игре Булгун не оставляет без внимания могучие руки гостя, что заставляет его краснеть и в то же время их прятать, потому что они грязные.

Являясь горожанами, социально молодые люди на разных ступенях: он — простой труженик, она — студентка института, у них разный уровень образования, сфера интересов, образ жизни.

Со старой героиней гостя сближает отношение к степному краю, куда он приехал работать. Ему здесь нравится, несмотря на нелегкую рейсовую работу, когда он проводит в пути по десять часов. Ему нравятся местные жители: он отмечает, что ему не страшно одному много ездить, потому что «везде люди, помогут если чего…» [Манджиев 1971б: 101]. Это тоже показательный сигнал-маркер в сюжете произведения. Характеризует молодого мужчину и любовь к животным: подобрал на дороге щенка, берет его с собой в дорогу, заботится о нем.

Восприятие степного пространства Бадиком, приезжим городским человеком другой национальности (для него степь — это «другое»), и восприятие Булгун, коренной жительницы региона, проживающей в городе (для нее оно вроде «свое», но на самом деле «чужое»), противопоставлены, что также актуализирует идею рассказа О. Манджиева — проблему утраты исторической и нравственной памяти, способной привести к гибели идентичность народа в глобальном смысле, к разрыву поколений. И тяжелая смерть Бадика во время бурана символизирует опасность такой утраты в развязке рассказа.

Несмотря на то, что мировосприятие горожанина-шофера из другого региона не отвечает его чувствам и мыслям во время блуждания по степи в буран (поэтическая, возвышенная), описанным автором в произведении, такая условность, наверное, определена намеренным противопоставлением образов Бадика и Булгун.

Заключение

Проведенный анализ раннего рассказа Олега Манджиева «Скука» (1971) показал, что бинарная оппозиция «свой — чужой» служит смысловым стержнем произведения и реализуется через межпоколенческое противостояние Булгун с ее бабушкой, отражающее в более широком смысле конфронтацию традиционного, в чем проявляются маркеры этноса (верования предков, религия, заповеди, традиции, обычаи) и нового, представленного городом, в чем этническое стерто. И причина такого противостояния для писателя в утрате исторической и нравственной памяти, «беспамятстве», что, в конечном счете, чревато опасными последствиями в сохранении национальной идентичности: знание родного языка, истории, религии, культуры.

Источники

Манджиев 1970 — *Манджиев О.* Мы любили ее: рассказ // Теегин герл. 1970. № 4. С. 99–103.

Манджиев 1971а — *Манджиев О.* Змея: рассказ // Теегин герл. 1971. № 2. С. 129–132.

Манджиев 1971б — *Манджиев О.* Скука: рассказ // Теегин герл. 1971. № 4. С. 99–105.

Манджиев 1972 — *Манджиев О.* Скачки: рассказы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 74 с.

Манджиев 1973 — *Манджиев О.* Каникулы: рассказ // Теегин герл. 1973. № 4. С. 130–132.

Манджиев 1979 — *Манджиев О.* День рождения: рассказ // Теегин герл. 1979. № 3. С. 131–135.

Манджиев 1982 — *Манджиев О. Л*. Небесный родник: стихи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 82 с.

Манджиев 1983 — *Манджиев О.* Волк: рассказ // Ноорус. 1983. № 7. С. 22–23.

Манджиев 1985а — *Манджиев О.* Диспут: рассказ // Теегин герл. 1985. № 3. С. 62–65.

Манджиев 1985б — *Манджиев О.* Для Северного полюса: рассказ // Теегин герл. 1985. № 3. С. 65–72.

Манджиев 1988 — *Манджиев О. Л*. Дорога в один дун: повесть. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 206 с.

Манджиев 2003 — *Манджиев О. Л.* Ад номер семь: роман. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 448 с.

Манджиев, Нимбуев 1975 — *Манджиев О. Л., Нимбуев Н. Ш*. Мальчишка с бантиками: повесть. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. 160 с.

Литература

Дубоссарская 2008 — *Дубоссарская М. Л.* Свой — чужой — другой: к постановке проблемы // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 54. С. 167–174.

Есенова 2003 — *Есенова Т. С.* Русский язык в Калмыкии. Элиста: [б. и.], 2003. 207 с.

Зумаева 2011 — *Зумаева Д. Ю.* Проблема нравственной памяти в повести О. Л. Манджиева «Дорога в один дун» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 145–149.

Серикова 2025 — *Серикова Л. А.* Переплетение идентичностей: «свой — чужой — другой» в рассказах С. А. Муминова // Хабаршы Вестник. 2025. № 1. С. 48–58.

Ханинова, Бочаева 2017 — *Ханинова Р. М., Бочаева М. С.* Поэтика рассказа Олега Манджиева «Змея» // Сетевое востоковедение: образование, наука, культура: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 7–10 дек. 2017 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. С. 283–285.

Ханинова, Бочаева 2018 — *Ханинова Р. М., Бочаева М. С.* Поэтика рассказа О. Манджиева «Скачки» в аспекте фольклорной традиции // Кирилло-Мефодиевские чтения–2018 в Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова: Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 26 мая 2018 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018. С. 203–207.

Ханинова, Джаджиева 2025 — *Ханинова Р. М, Джаджиева Д. А.* Ветераны Великой Отечественной войны в современном калмыцком русскоязычном рассказе // «Наше дело правое»: вклад народов СССР в Великую Победу: Мат-лы Всеросс. ист. форума / отв. ред. Р. Н. Рахимов. Уфа: Книга-принт, 2025. С. 176–183.

Ханинова, Джаджиева 2026 — *Ханинова Р. М., Джаджиева Д. А.* Поэтика рассказов Олега Манджиева в аспекте «свой — другой» // Фатих Амирхан в социокультурных контекстах XX века: Мат-лы Международ. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения Фатиха Амирхана (г. Казань, 19–20 февраля 2026 г.). Казань: ИЯЛИ, 2026. С. 234–240.